

АНАТОЛИЙ
МАТВИЕНКО

ОПЕРАЦИЯ «КАНКАН»

Роман

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2024

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
МЗЗ

Матвиенко, А. Е.

МЗЗ Операция «Канкан» : роман / Анатолий Матвиенко. — Минск : Четыре четверти, 2024. — 284 с.
ISBN 978-985-581-657-8.

Леденящее чувство опасности, риск разоблачения — постоянные спутники разведчика Теодора Неймана, внедренного в структуру нацистского Рейха. Однажды перед ним ставят задачу вступить в связь с Элен, племянницей британского резидента, не успевшей уехать из Германии до сентября 1939 года. Но чем обернется для разведчика видимость возвышенных чувств и использование юной художницы для своих целей?

Годы борьбы за выживание на службе ненавистному режиму посвящены только одному: выполнить особо важное задание и вернуться с холода — домой, на Родину. Однако, когда поступает команда на выполнение этого задания, оно оказывается совершенно не таким, как ожидалось...

Новую книгу Анатолия Матвиенко можно было бы отнести к жанру шпионского романа, но компетентные суждения автора о судьбах контрразведчиков в самых горячих точках придают ей большую глубину, не на шутку заинтриговывая читательскую аудиторию.

**УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44**

ISBN 978-985-581-657-8

© Матвиенко А. Е., 2024
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2024

Глава 1. Шпион

*Совершенно секретно
Народному Комиссару Внутренних Дел СССР
Генеральному комиссару госбезопасности
товарищу Г. Г. Ягоде*

В следственном изоляторе НКВД ТАССР содержится гражданин Г. К. Мюллер, арестованный по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 6 УК РСФСР (шпионаж). Он представляет интерес для оперативной разработки в целях разоблачения резидентуры Абвера в Мадриде.

Арест Мюллера произведен по материалам группы СГОН. Считаю целесообразным перевести его в изолятор «Лефортово» и поручить разработку ИНО ГУГБ.

*Начальник ГУГБ НКВД СССР
комиссар государственной
безопасности 1-го ранга
Я. С. Агранов*

...Новичка в тюрьме заметно с порога. Он только что миновал первый круг ада, изведал грубость при задержании, тяжесть обвинения, крушение тусклой надежды «разберутся же». Он растерян, надломан. И еще не видел беспредела.

В переполненной транзитной камере с этим быстро. Долой полетели запреты содержать отдельно судимых и несудимых, ждущих суда или уже этапа в лагерь. Когда на одну койку, шконку по-тюремному, приходится более двух арестантов, свободных мест не найти и под нарами, все сидят вперемешку. Блатные верховодят, сплоченные, как стая хищников.

Новенький переминается в однобортном костюмчике, некогда пристойном, сейчас жеваном и с мазком крови на лацкане. Брезгует к чему-либо прикоснуться, и я его понимаю, сам был потрясен неделю назад. Жалкие потуги в области гигиены здесь не слишком заметны. Осклизлая пленка на полу, смрад немытых тел и кислых объедков и прочие впечатления набрасываются на человека, шокируют глубже, чем наглость конвойных. Потом привыкаешь.

Ноги новоприбывшего украшают сандалики, уместные летом в Поволжье. Но в лагере... Я шевелю пальцами в сапогах. На зоне они

представляют такую ценность, что сплю не разуваясь. Все разговоры, что у своих красть — великий грех, то бишь запаadlo, в транзитной камере не стоят ни гроша. Здесь нет своих, нет долгих союзов, с кем бы ни скорешился — друга скоро увезет этап. Но и тут приходится держаться земляков либо какой-то иной стаи, одиночку загрызут.

— З-здравствуйте!

Его тоскливый взгляд скользит по равнодушным физиономиям сидельцев, плотно занятым нарам, на миг втыкается в крохотное оконце, забранное прутьями.

А, вот и комитет по встрече. В тюрьме очень мало развлечений, появление неопытного новенького вносит разнообразие.

Карманник из Ворошиловска по кличке Тунгус неторопливо плывет по проходу в сопровождении фармазонщика Зямы, залетного одесского жулика. Я ненароком трогаю Василия. Его очередь спать, но концерт пропускать жалко. Вася присаживается и трет глаза пудовым кулаком.

— Какие люди! — расцветает Тунгус. На побитой оспой роже щипача расплывается обманчиво-широкая улыбка с украшением в виде порванной губы. — Что ж так скромно-то? Барахлишко хреновато...

Все достояние первохода одето на нем. В руках, нервно теребящих край пиджака, не видно узелка с едой, последнего гостинца с воли. Нечего отобрать, что можно было бы кинуть в общак и поделить меж семьями. Тунгус злится, оттого скалится в неискреннем дружелюбии.

— Не подскажите, уважаемый, где бы мне... — покупается на улыбку новенький.

— Кости кинуть? Найдем. По месту прописки.

Народ оживляется. Обычно прописка выливается в целый ритуал. Но в КПЗ, транзитках да в пересылках его не делают. Зачем, если эта камера не станет домом на многие месяцы и годы? Значит, Тунгус готовит веселье.

Ничуть не бывало. Он бесхитростно ставит банку кулаком в живот. Человек сгибается от боли, прикрывается руками. В общем, правильно себя держит — не лезет на рожон, не пытается драться с незнакомым блатным. Но и не прогнулся, не начал лебезить.

— Сымай клифт, пока юшкой вконец не изгадил.

Уголовник дергает новенького за пиджак с кровавым пятном. Одежка с узких плеч явно не по размеру квадратному Тунгусу, но сойдет как ставка в очко.

Я толкаю Васю. Наш выход. Он прикрывает спину, массивный, словно шкаф. Боюсь, толку от него мало в проходах меж шконками. Силен, но неловок. Зато создает антураж. Вроде как последний довод — если меня завалят, встрянет Вася-Трактор, мало не покажется.

— Беспредельничаешь, Тунгус?

Уголовник резко разворачивается. В узких от природы глазенках блестит злость. Его голос звенит фальцетом. Это он зря. Авторитетные воры говорят тихо и веско.

Тунгус верещит:

— С каких пор мужики лезут в дела черной масти?

В базаре главное — идеологическая основа, это я еще в школе усвоил, когда заучивали цитаты из товарища Сталина. Спорить с уголовниками надо правильным языком, «ботая по фене». Мне, почти интеллигентному, воровское аргю дается тяжело. Каждую фразу проговариваю внутри себя, чтоб выдать без запинки и с подобающим выражением.

— Мужикам тоже по понятиям охота жить, — начинаю я и моментально получаю поддержку сокамерников. Большинство из них — мужики, к воровской масти не принадлежащие, сидят за бытовуху, алименты и прочие непочетные дела. Апелляция к тюремному закону делает меня правдолюбом, а Тунгуса опускает до еретиков. — Чморишь первохода, банку выписал, прикид берешь на гоп-стоп. Не, это не по понятиям.

Карманник загнан в угол. Если спасует, уронит себя в глазах черной воровской масти, на всю оставшуюся отсидку его репутация будет подмочена.

— Борзеешь, Волга? Забыл, что до смертинки три пердинки?

Одессит Зяма заходит слева, насколько позволяет камерная теснота. Его должен отсечь Вася. Если не проспит.

— На понт берешь, Тунгус?

Это уже прямой вызов. Я не оставил вору шансов выкрутиться без драки. Он миролюбиво машет рукой, типа «ну ты че», а вторая рука нащупывает алюминиевую кружку. Нормальный прием — отвлечь внимание, потом швырнуть мне в лицо какую-то мелочь. На полсекунды я впаду в замешательство и, если Тунгус не оплошает, очнусь на полу не раньше чем через полчаса, основательно битый.

Кружка летит в пустое пространство, где только что был мой нос. Я встречаю Тунгуса растопылкой. На зоне бокс не канают, лишь варварские удары — в глаза, в горло, в пах.

На-а-а!

Так, очередь его напарника. Зяма получает сапогом. Под шконкой раздается стук, когда он врезается во что-то твердое.

Тунгус на коленях. Голова опущена, не вижу, что делают его руки. Решив не дожидаться какой-нибудь подлости, хватаю за подбородок, резкий рывок вверх. Колено врезается блатному в нос. Урка падает, из пальцев вываливается заточка. Вздумал мне брюхо вспороть, козел?

Новоприбывший бочком протискивается мимо бессознательной тушки вора. Уже выпрямился после банки, только дышит сипло.

— Товарищ... э-э, Волга. Позвольте мне к вам?

Учится. Погоняло мое запомнил и смекнул уже, что одиночки не выживают. Решил примазаться к сильному.

— Че, нам шестерка нужна? — басит за спиной Трактор, и мне второй раз приходится вступаться за новичка.

— Ясен пень. Блатные на нас зуб имеют.

Так что лишние глаза не помешают. Их обладатель робко садится на самый краешек койки. А в камере поднимается шум. Оказывается, Зяма грохнулся к опущенным. У блатных это считается трагедией, несчастным случаем, когда человек невольно прикоснулся к бараклу опущенных. Теперь он зараженный-прокаженный, уважающий себя вор руки ему не подаст.

Не знаю, как сложились бы отношения с блатными, боюсь — скверно, но Зяму, Тунгуса и двух авторитетных воров забирает этап. Спасенный мной недотепа жметесь поблизости, боится отойти даже к параше.

— Меня зовут Ганс Карлович Мюллер...

— А погоняло? — вопрос повисает в воздухе, и задавший его Василий врубается, что новичок не знает лагерный диалект. — Ну, кличут тебя как?

По кислой и какой-то бесцветной рожице Мюллера заметно, что о главном атрибуте заключенного он даже не задумывался.

— Ща крикну в окно: тюрьма, дай имя! — щерится мой напарник. — Такую кликуху дадут...

— Да ясно какую, раз Ганс Карлович, — вклинивается сосед напротив. — Фашист!

В камере сложно хранить секреты. Слышно почти все. Как ожидалось, другие сидельцы поддерживают. Гансу ничего не остается, как принять. *Vox populi vox Dei*, глас народа — глас Божий.

— Фашист так Фашист, — я пресекаю робкую попытку шестерки отмахнуться и задаю следующую вопрос, перечисляя воровские специальности: — На фармазона или там блинопека не похож. По какой статье?

— Пятьдесят восьмая, пункт шесть, — он жалко улыбается и смотрит мне в глаза, будто ждет сочувствия в абсурдности обвинения. — Немецкий, стало быть, шпион.

Это зря. Потом, на Колыме или в Магадане, политические события в кучу. Здесь, среди разношерстной уголовки, враг народа становится изгоем. Блатные в такие игры не играют. «Советская малина собралась на совет, советская малина врагу сказала: нет!» В транзитках и пересылках лучше скрывать политическую статью до последней возможности.

— Яволь, герр шпион. И как угораздило?

— Да какой я шпион... — Фашист нервно приглаживает пятерней жидкие светлые волосы, не остриженные пока наголо. — Работал в Липецке, там была военная авиационная школа, готовили немецких летчиков. До Гитлера! А мне говорят — нацисты тебя завербовали. Когда фюрер пришел к власти, немцы уехали.

— А ты? — невольно копирую манеру следаков. Но Мюллер не рассказывает гладко, приходится понукать.

— Перевели на Казанский авиазавод.

— Шпионить! — радостно подсказывает Василий, я шикаю на него.

— ...Конструктором. Инженеров арестовали в прошлом году, когда упал «Максим Горький». Ну, АНТ-20. Слышали?

Кто ж не слышал.

— Твоя работа? — снова встречается любопытный сосед, другие сокамерники клеят ухо.

— Что вы! В него какой-то умник на истребителе врезался. Хороший был самолет. Потом успокоилось все, в этом году опять... Меня ночью взяли, из общежития. С немцами в Липецке общался? Выходит — шпион, вредитель и диверсант.

Недоверие в камере такое густое, что можно резать ножом. Тут все невинные, с их слов, конечно. «Мусора дело шьют, волки позорные». Но каждый знает про себя, что рыло в пуху по самое не балуйся. Значит, и Фашист не зря елозит по шконке тощим задом.

Демонстративно теряю к нему интерес. Если что-то важное имеет сказать, молчать не будет. Вон сколько наплел про секретные дела — немецкую учебку и авиационный завод.

За следующие сутки Мюллер расспрашивает про тюрьму и понемногу привыкает к новой жизни. Раньше был личностью, теперь простой ээка. Эти две буквы — ЗК — недавно означали «заключенный Канал-строя». С завершением Беломорканала так зовут нас всех.

Мне в двадцать один смешно его поучать, вдвое старшего, попутно гонять с мелкими поручениями. Тем более сам за решеткой сижу всего на неделю больше. Может, он и правда шпион, мало о нас сведущий?

— Вас Волгой величают, потому что вы с Поволжья?

— Не угадал. Слышал, как судья на ринге кричит «бокс»? Или на фехтовальной дорожке «ангард»? «Волга» на блатном языке означает сигнал к драке.

Фашист добросовестно учит феню. В лагере без этого невозможно.

— А как вас до тюрьмы звали?

— Теодор Нейман.

Его глаза мутно-оловянного цвета подозрительно выпучиваются.

— Еврей?

Вася радостно гыкает. Точно, новенький наш — фашист, раз не любит евреев. Объясняю, что евреем был Зяма, он же Зиновий Гойхман, схлопотавший от меня по мордасам. Я из немецкой поволжской семьи.

Ганс Карлович побаивается Васю, больше ко мне тянется.

— Скажите, Волга, вы — человек образованный, в отличие от... От остального контингента. Как же вы... во всем этом...

Во всем этом навозе? Кричу от восторга! С детства мечтал. Но — так выпало.

— Первые сутки на стену лез. Задирался и дрался со всеми, чуть не пришили. Потом один дедок, из воров-законников, тихо так говорит: не мельтеши. Прими зону, и она тебя примет. Другого не будет. И завтра, и через месяц, и через год. Я твердо решил приспособиться и выжить, сколько бы ни впаляли — десять, пятнадцать лет. В лагере моя образованность до звезды.

Оловянные глазки Фашиста изумленно моргают.

— Но в лагере есть же культурные! Инженеры, служащие.

Смотрю сочувственно.

— Есть. Их так и зовут — лагерная пыль. Выживать на зоне, даже получать некие радости этой жизни умеют только воры. Я у блатных учусь — держаться, говорить, вести себя по понятиям.

— Получается?

— Не всегда. Зачем-то на Тунгуса с Зямой сорвался. Подфартило — этап ушел. Законники мне бы растусовали, что рамсы попутал, — замечаю его непонятливость и перевожу с тюремного на русский: — Популярно объяснили бы мою ошибку, возможно — пером в бок.

Ганса не радует перспектива становиться законченным ээком.

— Покурить бы...

Ну, здесь нет папиросного ларька. Пиджак с кровавым пятном уплывает в недра камеры, взамен получаем горсть табака-самосада и кривые обрывки газетной бумаги.

— Учись, Фашист, — веско талдычит Василий. — Курева всегда мало.

Он глубоко вдыхает вонючий дым, отдает мне самокрутку. Бывший владелец пиджака получает бычок последним. Всего одна жалкая затяжка, и огонек обжигает пальцы.

— У вас в Германии, небось, сигары буржуйские?

Новичок не успевает ответить Трактору, что он советский немец. Наши национальные откровения прерываются. Пупок с лычками сержанта выводит меня и Мюллера в коридор, втыкает носом в стену. Гремят замки, лязгают двери, повторяя в миллиардный раз тюремную музыку. Нас ведут куда-то вниз через бесконечные лестницы и проходы, широкие по дореволюционной моде. Но даже бесконечность рано или поздно достигает финиша. В нашем случае это пенал метр на два метра, не только без койки, но даже без стула. Наконец, меня вталкивают в допросную камеру, где стол и два табурета, все привинчено к полу. Хмурый лейтенант госбезопасности топчется на месте. В руках у него тощая папочка с моей фамилией на обложке, протягивает ее капитану, что занял насест за столом.

— Еще один, товарищ капитан. Пятьдесят восьмая — двенадцать, недонесение о контрреволюционном преступлении.

Старший из двух гэбэшников — наверняка любимец женщин, чернявый красавчик кавказского типа с тонкой полоской усов. Летеха такой же простой, как все наши поволжские. Молодая лысина и полнота здорово портят облик грозного гэбиста с орденом Красного Знамени на застиранном сукне гимнастерки.

— Связан с Мюллером?

Анатолий Евгеньевич Матвиенко — белорусский писатель-прозаик, автор книг в жанрах фантастики, детектива, исторического романа на русском языке. Критик, публицист, сценарист документального кино. Произведения изданы в Беларуси, России, Азербайджане, Израиле, Германии, переведены на различные языки стран СНГ, широко известны в интернете.

Член Правления и Президиума Союза писателей Беларуси, член Союза писателей Союзного государства России и Беларуси.

Оглавление

Глава 1. Шпион	3
Глава 2. Элен	14
Глава 3. Операция «Канкан»	17
Глава 4. Абвер	22
Глава 5. Секрет Интеллидженс Сервис	30
Глава 6. Погром	34
Глава 7. Перемены в НКВД	38
Глава 8. Абверштелле	43
Глава 9. Интенсивный допрос	57
Глава 10. Ромео и Джульетта	62
Глава 11. Полина	68
Глава 12. Провал	72
Глава 13. Артузов	78
Глава 14. Ренегат	83
Глава 15. Пейзажи	91
Глава 16. Дядюшка Вальтер	96
Глава 17. Волльвебер	102
Глава 18. Минск	106
Глава 19. Белокурая бестия	113
Глава 20. Две женщины	119
Глава 21. Слуцкий	125
Глава 22. София	129
Глава 23. Война	135

Глава 24. МИ6. Второй раунд	143
Глава 25. Быдгощ	147
Глава 26. Соперница	155
Глава 27. Бомбардировка	159
Глава 28. Серебрянский	169
Глава 29. Катастрофа	178
Глава 30. Гесс	186
Глава 31. Аресты	189
Глава 32. Особая группа	194
Глава 33. Катя	198
Глава 34. Ситуация изменилась	206
Глава 35. Связной	212
Глава 36. Англичанин	223
Глава 37. Четыре «аш»	226
Глава 38. Танкист	233
Глава 39. Бюрократы	236
Глава 40. Контуры заговора	248
Глава 41. Греция	254
Глава 42. Не наш человек	259
Глава 43. Смерть фюреру!	263
Глава 44. Ненависть	272
Эпилог	276